

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2025**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-14 (материалы раскопок 2020 г.)	7
Шишкина О.О., Советова О.С., Сирюкин И.В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей	29
Власкина Т.Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Содномпилова М.М. Огонь в информационном пространстве тюрко-монгольских народов Сибири	70
Степанова О.Б., Караваяев Э.Ф. Представления о времени в традиционном мировоззрении селькупов	86
Юша Ж.М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность	100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Моради М. Астральная и мистерическая символика в зороастризме	113
Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в.	137
Дударенок С.М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития	151
Маркова Н.М., Аринин Е.И., Кузнецова Л.Э. Компаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению	170
Мусаев В.И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале XX в.	193
Юганова И.И. О христианизации чукчей на страницах «Якутских епархиальных ведомостей»	210
Дашковский П.К., Траудт Е.А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.	227

ДЛЯ АВТОРОВ	256
-------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Fedoruk O.A., Fedoruk A.S., Papin D.V.</i> Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations).....	7
<i>Shishkina O.O., Sovetova O.S., Siryukin I.V.</i> “Late” images on the burial stones of the Tagar burial ground near Mount Tepsey.....	29
<i>Vlaskina T.Yu.</i> The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sodnompilova M.M.</i> Fire in the media scene of the Turkic and Mongolic peoples of Siberia	70
<i>Stepanova O.B., [Karavaev E.F.]</i> Ideas of time in the traditional worldview of the selkups	86
<i>Yusha Zh.M.</i> Child protection in the rituals and beliefs of Tuvans Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity.....	100

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Moradi M.</i> Celestial and mystical symbolism in zoroastrianism	113
<i>Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts.</i> Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries ...	137
<i>Dudarenok S.M.</i> The Religious Landscape of the Khabarovsk Region in the 1990s: Features of Formation and Development Trends	151
<i>Markova N.M., Arinin E.I., Kuznetsova L.E.</i> Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies.....	170
<i>Musaev V.I.</i> Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century.....	193
<i>Yurganova I.I.</i> The Christianization of the Chukchi within the context of the <i>Yakut Diocese Gazette</i>	210
<i>Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.</i> Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.	227

FOR AUTHORS	256
--------------------------	-----

УДК 322 (571.1)

DOI 10.14258/nreur(2025)1–13

П. К. Дашковский, Е. А. Траудт*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ БУРЯТСКОЙ АССР В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х — НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

В данной работе на основе архивных материалов Государственного архива Республики Бурятия и Государственного архива Российской Федерации предпринята попытка определить положение православных общин Бурятской АССР в период второй половины 1980-х гг. В исследуемый исторический промежуток на территории Бурятской АССР действовали одно зарегистрированное религиозное объединение православных христиан — Вознесенская церковь в Улан-Удэ, а также община верующих в Кяхте. Помимо этого, имелись последователи старообрядчества, которые не проявляли активной религиозной деятельности.

В статье сделан акцент на анализе обрядовой и финансовой деятельности православных религиозных объединений, действовавших в Бурятской АССР. Определено, что показатели финансово-хозяйственной деятельности начинают планомерно увеличиваться с 1988 г., что было связано с изменениями в области государственно-конфессиональных отношений в период второй половины 1980-х — начале 1990-х гг. Сделан вывод, что вероисповедная политика по отношению к православным общинам в Бурятской АССР, в целом, проводилась в русле общесоветских тенденций, однако имела некоторые отличительные особенности, связанные со спецификой исследуемого региона.

Ключевые слова: православные община, Бурятская АССР, вероисповедная политика, государственно-конфессиональные отношения, «перестройка».

Для цитирования:

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 1. С. 227–255. DOI 10.14258/nreur(2025)1–13.

P. K. Dashkovskiy, E. A. Traudt

Altai State University, Barnaul (Russia)

ORTHODOX COMMUNITIES OF THE BURYAT ASSR IN THE CONTEXT OF CHANGES IN SOVIET RELIGIOUS POLICY IN THE SECOND HALF OF THE 1980S AND EARLY 1990S

This article utilizes archival materials from the State Archive of the Republic of Buryatia and the State Archive of the Russian Federation to analyze the status of Orthodox communities in the Buryat ASSR during the latter half of the 1980s. During this historical period, the Buryat ASSR was home to a single registered religious association of Orthodox Christians, namely the Ascension Church in Ulan-Ude, alongside a community of believers in Kyakhta. Additionally, there existed a non-active group of Old Believers.

The focus of the article is on the examination of the ceremonial and financial activities of Orthodox religious associations within the Buryat ASSR. It is observed that financial and economic activities began to experience systematic growth starting in 1988, a development linked to shifts in state-confessional relations during the late 1980s and early 1990s. The analysis concludes that the religious policy directed towards Orthodox communities in the Buryat ASSR generally aligned with broader Soviet trends, while also exhibiting unique characteristics pertinent to the specific context of the region.

Keywords: Orthodox community, Buryat ASSR, religious policy, state-confessional relations, “perestroika”

For citation:

Dashkovskiy P. K., Traudt E. A. Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s. Nations and Religions of Eurasia. 2025. Vol. 30. No. 1. P. 210–255 (in Russian) DOI 10.14258/nreur(2025)1–13.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fnp.asu.ru; <https://orcid.org/0002-4933-8809>

Траудт Егор Андреевич, лаборант-исследователь лаборатории этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** traudt805ea@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Dashkovskiy Peter Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional

---

Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies at the Institute of Humanities of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0002-4933-8809>

Traudt Egor Andreevich, Laboratory researcher at the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** traudt805ea@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Введение

Региону Бурятии на всем протяжении истории были присущи полиэтничность и поликонфессиональность. Характерно, что преобладающими религиями для этнических бурят являлись буддизм и шаманизм, которые во многом сформировали социокультурный облик данной территории [Батомункеева, 2022: 49]. Однако нельзя забывать о том, что православие, ведущее свою историю в Бурятии со второй четверти XVII в. [Санжиева, 2011: 209], также внесло определенный вклад в создание неповторимого религиозного ландшафта¹ данной местности. Подтверждением этому может служить тот факт, что по данным на конец 2023 г. из 259 зарегистрированных религиозных организаций Республики Бурятия 87 входят в состав Бурятской митрополии Русской православной церкви (Московский патриархат), занимая по этому показателю лидирующую позицию в регионе [Статистический ежегодник..., 2024: 186–187].

Необходимо отметить, что между религиозными общинами и государственной властью всегда существовал определенный тип взаимоотношений, которые были направлены на поиск путей их конструктивного сосуществования. Эти отношения основываются на законодательном закреплении представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, а также их функциях, сферах деятельности и нормативных компетенциях посредством проведения вероисповедной (государственно-конфессиональной) политики [Вероисповедная политика..., 2003: 9]. Под вероисповедной политикой в данном случае понимается деятельность государственных институтов, в котором вектор политического воздействия направлен на религиозную составляющую общественной жизни [Шахов, 2019: 30].

Во время существования Советского Союза проводимая государственно-конфессиональная политика не была единой и однородной. Советская модель отношений между верующими и властью являлась субстратом различных элементов, зависела от реализации конкретных политико-идеологических целей правящей коммунистической партии [Одинцов, 2010: 22].

В научном дискурсе сфера изучения вероисповедной политики, проводимой в СССР, стала формироваться относительно недавно. Как правило, это было связано с конфиденциальной работой административных структур, регулировавших деятельность религиозных объединений. Советское законодательство, регулирующее

---

¹ В данном отношении под религиозным ландшафтом будет пониматься исторически изменяющаяся система взаимоотношений между обществом и религиозными общинами в определенном географическом пространстве в контексте этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов [Религиозный ландшафт..., 2014: 10].

положение религиозных объединений, не было доступно для общего пользования. Уже после распада СССР и демократизации общественно-политической жизни ученым оказались доступны многие архивные материалы, которые стали фундаментом для таких исследований.

Несмотря на это, положение православных общин в Бурятской АССР в период второй половины 1980-х — начале 1990-х гг. не получило должного освещения в научном дискурсе, хотя отдельные аспекты данной темы частично затрагивались другими исследователями. Так, работы Г. С. Митыповой [2005, 2006], хотя и посвящены православию в Бурятии, однако делают акцент на историческом аспекте существования и развития данной религиозной традиции в указанном регионе. Г. С. Митыпова подчеркивает, что православие стало важным культурообразующим фактором для всего Бурятского региона. В указанных работах автора лишь косвенно затронута сфера реализации государственно-конфессиональной политики по отношению к православным общинам Бурятии в период второй половины 1980-х — начале 1990-х гг.

Важный вклад в изучение православных общин Бурятской АССР в период «позднего социализма» и «перестройки» был сделан И. С. Цыремпиловой [2014, 2017]. Опираясь на архивные данные, исследовательница в своих работах представила общий обзор по религиозным процессам в регионе и очертила круг дальнейших изысканий в русле данной темы.

Отдельные аспекты данной темы также рассматривались авторами данной статьи в предшествующих публикациях [Дашковский, Траудт, 2024а; 2024б]. В перечисленных работах была дана общая характеристика положения всех религиозных объединений Бурятской АССР в условиях модернизационных процессов «перестройки», не заостряя внимания на отдельных религиозных объединениях и их положении в русле проведения новой вероисповедной политики.

Таким образом, положение православных общин Бурятии в период «перестройки» остается малоизученным аспектом в исследовании религиозного ландшафта данного региона ввиду отсутствия специальных работ по данной тематике. Изучению данной проблемы и посвящена данная статья.

В качестве методологии выступает системный подход, который активно используется при рассмотрении государственно-конфессиональных отношений, что нашло отражение в разработках М. И. Одинцова, М. О. Шахова и других исследователей. В рамках такого подхода государственно-конфессиональные отношения рассматриваются как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений, с одной стороны, институтов государства, а с другой — институциональных образований самих конфессий [Шахов, 2019: 15]. Кроме того, текущая работа базируется на принципах историзма и системности, которые являются неотъемлемой частью историко-религиоведческих изысканий.

Изменение советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х гг.

В 1985 г. Генеральным секретарем КПСС становится М. С. Горбачев. В начале своего руководства страной он взял новый курс на либерализацию проводимой политики в СССР, локомотивами которой стали лозунги «ускорение» в экономике и «гласность» в общественной сфере [Верт, 1990: 440], а сам период после январского пленума

ЦК КПСС (1987 г.) вошел в историю под названием «перестройка» [Материалы пленума..., 1987]. Причины столь кардинальных преобразований лежат во многих тенденциях политического и экономического развития, которые стали проявляться еще в предшествующий период «развитого социализма» (1964–1985 гг.) [Величко, 2016: 4–9].

Важной частью социально-политического реформирования советского общества было взятие курса на построение в СССР «социалистического правового государства». По этой причине руководство страны намеривалось обеспечивать права и свободы советского человека, а также осуществлять ответственность государства перед гражданином и гражданина перед государством [Вестов, 2009: 65].

Заметим, что полное обеспечение вышеуказанных норм было невозможно без изменений в сфере осуществления вероисповедной политики, так как соблюдение принципа свободы совести является неотъемлемой частью правового государства. На момент начала «перестройки» регулирование деятельности религиозных объединений на территории СССР опиралось на нормы Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.), Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929 г.) и Конституцию СССР 1977 г. Советское понятие «исповедовать религию», существующее в нормативно-правовых актах, трактовалось максимально узко, не учитывая всей полноты религиозной деятельности. В целом, под этим термином понималось право придерживаться определенных религиозных убеждений, не беря во внимание их публичное проявление или распространение [Шахов, 2019: 44]. Принимая во внимание прогрессивность этих нормативно-правовых актов, нужно отметить, что они во многом носили декларированный характер, не соблюдались на практике. Именно поэтому одной из важных целей нового руководства страны стала выработка законодательства в отношении религиозных объединений, которое было бы в расчет мировой опыт осуществления принципа свободы совести внутри страны (Всеобщая декларация прав человека, Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников СБСЕ и т.д.) [Клименко, 2007: 38].

Несмотря на то, что период «перестройки» характеризуется достаточно быстрым принятием политических решений со стороны руководства СССР, реформирование системы государственно-конфессиональных отношений не представлялось ему первоочередной задачей. В этой связи потенциал поддержки первых лет преобразований (1985–1987 гг.) со стороны верующих был фактически не использован. Такое промедление исследователи связывают с ортодоксальным пониманием религии в советском руководстве, а также отсутствием единства в проведении либеральных преобразований [Одинцов, 2011: 39]. Первоначальные планы по реформированию религиозной сферы со стороны руководства не содержали мыслей о достижении диалога между властью и верующими, а лишь преследовали цель нейтрализации критики положения религии в СССР со стороны западных стран в преддверие празднования 1000-летия крещения Руси (1988 г.) [Маслова, 2015: 47]. В ходе этого ЦК КПСС принял постановление «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси» (1985 г.), которое требовало от государственных и партийных органов, а также от общественных организаций усилить разъяснительную работу среди советского населения о предстоящем юбилее, указывая на важность

его для отечественной истории. Одновременно с этим документ призывал установить истинное место религии в обществе, разоблачая ее эксплуататорский потенциал [Белоусов, 2016: 270–271].

Действительно, серьезные подвижки в изменениях отношения государства и религиозных организаций начали происходить только к 1988 г. и были во многом связаны с празднованием вышеназванного юбилея. Всесоюзный характер данного празднества стал причиной не только возрастания интереса к истории религиозных систем, но и общему всплеску религиозности населения [Вдовин, 2018; Молодов, 2015: 96]. В качестве основных причин потепления отношений государства и РПЦ и как следствие празднования данной памятной даты ученые выделяют активизацию РПЦ в деятельности различных неправительственных и миротворческих организациях, а также рост гражданской активности верующих [Тулянов, 2024: 117].

Исследователи отмечают, что с 1987 г. смягчается позиция главного учреждения по проведению советской вероисповедной политики — Совета по делам религий при СМ СССР [Кашеваров, 2015: 110]. На это во многом повлияла позиция председателя Совета по делам религий при СМ СССР К. М. Харчева (1984–1989 гг.), который старался привлечь внимание руководства страны к накопившимся проблемам в религиозной сфере общества. Его деятельность была направлена на критику существующего порядка осуществления религиозной политики, осуждая ортодоксально атеистическую позицию местных властей по воспрепятствованию регистрации новых религиозных объединений [Одинцов, 2010: 40, 45]. В 1988 г. К. М. Харчев выдвигает идею возвращения к нормам осуществления государственно-конфессиональной политики, которые были заложены в ленинском декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.) [Лукьянов, 2020: 110]. По мнению председателя Совета по делам религий при СМ СССР, главной целью государственно-конфессиональной политики должно стать формирование единства атеистов и верующих для достижения реального обновления власти и общества [Харчев, 1988: 3].

Однако неправильно будет заключить, что государство обращало внимание только на христианскую религию в контексте празднования памятных дат. Так, в июле 1991 г. состоялось празднование 250-летия официального принятия буддизма в России, сопровождающееся различными религиозными и светскими мероприятиями [Дашковский, Траудт, 2024б: 32]. В Татарской АССР в 1989 г. праздновалось 1200-летие принятия ислама народами Поволжья и Приуралья и 200-летие образования Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) [Ибрагимов, 2005: 137]. Но именно предшествующее масштабное празднование 1000-летия крещения Руси во многом выступило мощным импульсом для окончательного определения позиции руководства страны в отношении преобразований в области свободы совести в СССР.

Нужно подчеркнуть, что все вышеназванные либеральные преобразования в сфере государственно-конфессиональных отношений были сделаны вне существующего законодательного поля. Именно поэтому логичным завершением нового курса должна была стать выработка законодательства в отношении религиозных общин и государственной власти. В результате на завершающем этапе «перестройки» были приняты соответствующие законы, знаменуя собой всю противоречивость подхода властей

к решению религиозного вопроса. В 1990 г. сначала принимается Закон СССР «О свободе совести и религиозных объединениях» (1990 г.), а затем и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». При очевидном сходстве важным отличием указанных нормативно-правовых документов друг от друга являлся состав авторских коллективов законодворцев. Если общесоюзный закон разрабатывался профессиональными государственными управленцами, то российский аналог готовился представителями либеральной интеллигенции, в то время получившей возможность влиять на политическую сферу [Полозова, 2103: 20]. Необходимо отметить, что в РСФСР общесоюзный закон практически не имел действия, уступая место республиканскому. Такая ситуация сложилась из-за общей суверенизации РСФСР в политических вопросах, а также позиций руководства республики, которая ратовала за более масштабные преобразования в области религиозной политики [Одинцов, 2010: 103].

Новая нормативно-правовая база для реализации государственно-конфессиональной политики была призвана уравнивать в правах как верующих, так и атеистов, а также не допустить вмешательства государства в дела религиозных объединений [Дашковский, Траудт, 2024а: 153]. Несмотря на многие положительные тенденции в этом законе имели место и проблемные положения. В качестве основных недостатков многие исследователи выделяют такие, как размытость определения «религиозное объединение» и «вероисповедание», что приводило к различному пониманию и правовой неопределенности; неспособность четко определить и разграничить в правах субъекты и объекты, на которые распространяется действие данного нормативно-правового акта. По этой причине ломалась сама логика государственно-конфессиональных отношений, так как с правовой точки зрения действительным был только один субъект права — государство [Одинцов, 2010: 82–83, 105]. Определенным недостатком было и отнесение религиозных организаций к числу общественных объединений. В дальнейшем это спровоцирует небывалый «религиозный бум», характерной чертой которого станет появление многочисленных деструктивных религиозных объединений, характерной чертой многих из которых станет «маскировка» под вид общественной организации [Полозова, 2013: 24].

Среди специалистов в области изучения государственно-конфессиональных отношений присутствует мнение, что закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» создал почву для становления аконфессионального (сепарационного) государства². Такое положение дел продолжалось до 1994 г., когда тенденция к построению политики в области свободы совести в русле аконфессиональной системы постепенно пошла на спад [Одинцов, 2010: 24–25; Шахов, 2019: 60].

Реформирование системы законодательства в сфере свободы совести неуклонно вело за собой изменение органов, занимающихся «делами религий» в СССР. В 1965 г. был образован Совет по делам религий при СМ СССР, который ведал всеми вопросами, связанными с отношениями государства и религиозных объединений. В каждом

---

² В научной литературе такой тип государства характеризуется сохранением нейтралитета государства в отношении религиозной сферы, взаимное невмешательство государства и религиозных объединений в деятельность друг друга, сохраняя нормативно-правовые рамки взаимоотношений [Шахов, 2019: 28].

административно-территориальном субъекте страны находился уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР, который был проводником религиозной политики [Маслова, 2011: 513–518].

После начала «перестройки» в союзных республиках обозначилась тенденция к стремлению создания республиканских (местных) органов, занимающихся «делами религий», которые, имея значительную долю автономности в принятии решений, по существу находились бы под контролем союзного Совета по делам религий. Еще в 1974 г. был образован Совет по делам религий при СМ Украинской ССР, а в 1987 г. Совет по делам религий при СМ РСФСР [Маслова, 2005: 63]. Однако на практике республиканские чиновники планировали сделать государственно-конфессиональные органы полностью подконтрольными себе, признавая ненадобность существования союзного центра [Одинцов, 2010: 93]. Противостояние между союзными и республиканскими органами привели к крушению всей системы государственно-конфессионального регулирования. В апреле 1991 г. Совет по делам религий при СМ СССР был переименован в Совет по делам религий при Кабинете министров СССР, лишившись всех распорядительных и контролирующих функций, а в декабре того же года был вообще расформирован. С этого момента каждая бывшая союзная республика, став независимым государством, самостоятельно распоряжалась проведением религиозной политики [Митыпов, 2013: 119].

Специфика государственно-конфессиональных отношений к православным общинам в Бурятской АССР

Период «перестройки» для Бурятской АССР характеризуется экономическим кризисом, связанным с общесоюзной тенденцией производственной стагнации, существенными изменениями в занятости и рынке труда, серьезными сдвигами в социальной сфере [Бадмацыренов, 2018: 126; История Бурятии, 2011: 335]. Значительно увеличивается городское население Бурятской АССР, в основном, по причине строительства БАМа [Байкалов, Убеева, 2018]. В этнополитическом плане в Бурятии, как и во многих других автономиях, начался процесс «этнического и религиозного возрождения», связанный не только с идеей получения суверенитета, но и с повышением внимания к вопросам религии и идеологии [Митыпов, 2015: 56]. Такие процессы стали возможными по причине ослабления центральных органов власти, из-за которых формировались два разнонаправленных процесса: центристский и центробежный. Первый был направлен на сохранение правящей верхушкой существующего устройства Советского Союза, тогда как второй был характерен для автономий в ходе укрепления своих властных полномочий через суверенизацию. Общим мотивом для данных процессов стал поиск опоры в фигурах религиозных лидеров, авторитета общественных масс и религиозных организаций [Одинцов, 2010: 31]. Рассматривая государственно-конфессиональную политику на территории Бурятской АССР, нужно упомянуть, что она осуществлялась, как и в других регионах страны, уполномоченным Советом по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР. В рассматриваемый период данную должность занимали А. Б. Раднаев и М. М. Мулонов [Дашковский, Траудт, 2024а: 144].

По состоянию на 1985 г. в Бурятской АССР действовали пять религиозных объединений, три из которых были официально зарегистрированы (православная община

Улан-Удэ с центром в Вознесенской церкви, евангельские христиане-баптисты Улан-Удэ, а также религиозное объединение буддистов с центром в Иволгинском дацане) [ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 3131. Л. 32].

Православная община Улан-Удэ на базе Вознесенской церкви была образована еще в 1945 г., что связывается исследователями с временем кратковременного потепления отношений между государством и религиозными общинами в период позднего сталинизма [Горбатов, 2008: 145; Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 214; Шкаровский, 2009: 2]. Приход церкви Вознесения Улан-Удэ сознательно образовывался в отдаленном от центра районе, чтобы не допустить резкого скачка религиозности населения [Митыпова, 2005: 119]. В 1963 г. по факту подписания договора между учредителями «двадцатки» и исполкомом районного Совета депутатов трудящихся Октябрьского района Улан-Удэ, религиозное объединение Вознесенской церкви г. Улан-Удэ (далее Вознесенской церкви) становится обладателем церковного имущества [Митыпова, 2006: 246].

Необходимо подчеркнуть, что в Бурятии традиционно присутствовало большое количество старообрядцев, которые также исповедовали православие. Специалист по этой области С. В. Васильева связывает появление приверженцев старообрядчества с тремя потоками их расселения, который начался в XVII в. и продолжался вплоть до прихода советской власти [Васильева, 2014: 12–14]. Одной из самых многочисленных групп стали «семейские», которые сформировали самобытную группу русского старообрядчества [Аболина, Федоров, 2015: 159]. В довоенное время существования СССР старообрядцы Бурятии были подвергнуты серьезным гонениям, вылившиеся в репрессии иерархов и закрытие храмов [Васильева, 2011: 37]. Однако в период 1943–1945 гг. происходят изменения, которые были направлены на потепление отношений государства и религиозных объединений, что отложилось и на положении старообрядческих общин [Васильева, 2015а: 713]. Во время вероисповедной политики Н. С. Хрущева вновь начались притеснения представителей всех конфессий, но преимущественно социально-экономическими методами воздействия без непосредственного репрессирования. Так, в 1963 г. была закрыта старообрядческая церковь в с. Новый-Заган [Васильева, 2015б: 67].

В период второй половины 1960-х — начала 1990-х гг. старообрядцы не проявляли серьезной религиозной активности, ограничиваясь немногочисленными собраниями на квартирах у единоверцев в Бичурском и Мухоршибирском районах [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 79. Л. 4, 8, 14; ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 85]. По этой причине в данной статье авторами будет сделан упор на рассмотрение православных верующих Московского патриархата, так как в это время они были единственной православной организацией в Бурятской АССР, которая имела официальную регистрацию.

Прежде чем перейти к характеристике положения православной общины Вознесенской церкви нужно сказать о самой структуре существования православного прихода в контексте советской вероисповедной политики в период 1961–1988 гг. В самый разгар антирелигиозной политики, проводимой Н. С. Хрущевым, был созван Архиерейский собор (1961 г.), который внес значительные поправки в систему приходского управления. С этого момента все храмовые иерархи отстранялись от участия в управленческих и хозяйственных делах церкви, осуществляя лишь духовное руководство прихода.

Можно констатировать, что такая система отменяла смягчающие меры, которые принимались властью в отношении религиозных организаций на протяжении послевоенного периода. Новая система должна была подорвать канонический порядок и облегчить процедуру закрытия храмов [Молодов, 2016: 128–129]. Структура православной общины СССР изменилась только в 1988 г. после принятия нового Устава об управлении РПЦ, что было продиктовано либерализацией государственно-конфессиональных отношений. Указанный документ возвращал систему, существовавшую до 1961 г., учреждавшую полновластие приходского духовенства [Молодов, 2016: 130].

Говоря о клире Вознесенской церкви, можно отметить, что во время ее существования он ограничивался небольшим количеством церковных иерархов (3–5 человек). В рассматриваемый нами период «перестройки» настоятелем храма являлся игумен Мартирий³ (1937 г.р.), который начал служение в Вознесенской церкви в начале 1980-х гг. Игумен Мартирий имел степень кандидата богословия. В информационных отчетах уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР по Бурятской АССР описан как человек, который ответственно исполнял свои обязанности, а также был уважаем среди верующих [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162. Л. 2].

Остальной состав клира Вознесенской церкви во время «перестройки» часто менялся. В разные годы вторыми священниками числились Н.А. Глазунов, В.Н. Кобзяк и А.П. Мхеидзе. Отметим, что с 1986 г. и до распада СССР в 1991 г. должности третьего священника и дьякона были вакантны [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162. Л. 2; ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188. Л. 3].

Таким образом, в период «перестройки» состав клира Вознесенской церкви нельзя назвать стабильным. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ по Бурятской АССР считал, что нужно устранить непостоянство кадрового состава посредством подготовки священников из местного населения. В качестве причин, из-за которых не удавалось это сделать, высказывалось отсутствие желающих в получении духовного образования у местного населения [ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 3131. Л. 33].

Постоянным церковным иерархом в Вознесенской церкви на протяжении практически всех 1980-х гг. оставался лишь настоятель церкви игумен Мартирий, а все остальные священники длительно не служили. Отметим также, что средний возраст клира Вознесенской церкви составлял чуть более 30-и лет, что может говорить о достаточно молодом возрасте служения. Омоложение религиозных кадров в период «перестройки» характерно и для других регионов СССР [Белоусов, 2016: 281, 292, 295; Ибрагимов, 2015: 136; Молодов, 2015: 95]. В послевоенные годы формируется новый тип священнослужителей, которые по-иному стоят взаимоотношения с государственной властью. В своей деятельности они избирали тактику выстраивания положительных отношений с государственными и партийными органами, опираясь на нормы законодательства о религиозных культах. К тому же им по причине относительной молодости и большей интегрированности в советское общество было проще находить контакт. С этим же можно связать активность их участия в политической жизни, которое

---

³ В миру Турчешский Виталий Никитович.

наблюдалось в различных регионах СССР [Бакаева, 2015: 9–10; Белоусов, 2016: 287; Дашковский, Дворянчикова, 2024: 133; Ибрагимов, 2005: 132; Кашеваров, 2015: 110].

Данное обстоятельство нашло свое отражение и среди священников Бурятской АССР. В 1989 г. игумен Мартирий был выдвинут кандидатом в депутаты Улан-Удэнского городского Совета народных депутатов [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–2]. За год до этого второй священник Вознесенской церкви А.П. Мхеидзе дал интервью республиканской газете «Молодежь Бурятии», которое касалось роли празднования 1000-летия крещения Руси для государственно-конфессиональных отношений [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188. Л. 13]. Таким образом, происходила активизация деятельности религиозных иерархов и их интеграция в общественно-политическую жизнь советского государства.

Аспекты деятельности Вознесенской церкви Улан-Удэ в период «перестройки»

Уполномоченными Совета по делам религий при СМ СССР в регионах велась статистика по всем проведенным ритуалам, а также по финансово-хозяйственной деятельности религиозных организаций. Во многом советские статистические данные о деятельности религиозных объединений можно считать условными по причине возможных исправлений со стороны местных властей для констатации доминирования атеистического мировоззрения в отдельно взятом регионе [Одинцов, 2010: 35; Митыпова, 2006: 253].

Для изучения обрядовой деятельности Вознесенской церкви Улан-Удэ обратимся к данным таблицы 1

Таблица 1

Обрядовая деятельность Вознесенской церкви Улан-Удэ в период «перестройки»⁴

Table 1

Ritual activity of the Ascension Church in Ulan-Ude during the period of “perestroika”⁵

Показатели	Отчетные годы				
	1985	1986	1987	1988	1989
Общее количество совершенных крещений	241	284	242	245	572
Крещений детей дошкольного возраста	40	204	155	174	237
Крещений детей школьного возраста	174	39	42	43	108
Крещений совершеннолетних	27	41	45	28	227
Количество отпеваний	421	433	512	433	373
(в том числе очных)	0	0	0	0	0
(в том числе заочных)	421	433	512	433	373
Количество венчаний	1	1	0	0	1

Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что совершение обрядов в Вознесенкой церкви оставалось на достаточно стабильном уровне. В данный период времени среди ритуалов, проводимых в церкви Вознесения были крещения, отпева-

⁴ Таблица составлена по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162, 170, 187.

⁵ The table is based on: GARB. Fund R-1857. Inventory. 1. File. 162, 170, 187.

ния и венчания. Крещения были достаточно востребованы среди прихожан, составляя 42% от всех совершенных обрядов. Самое большое число проведения данного ритуала совершалось для детей дошкольного возраста (810 случаев в 1985–1989 гг.). В 1989 г. наблюдается рост совершения процедуры крещения для всех возрастных групп, в том числе для совершеннолетних.

Ритуал отпевания в это период стал самым массовым среди всех совершенных обрядов (57,7% среди всей обрядовой деятельности). Заметим, что все отпевания фигурируют в разряде заочных, так как очный формат таких процедур исчез к началу 1980-х гг. Это было связано с влиянием активной атеистической пропаганды, которое осуждало очные отпевания. Несмотря на постоянное совершение обрядов отпеваний и «популярность» данного ритуала среди населения, их среднегодовое значение уменьшается по сравнению с предыдущим временным отрезком. Если в период «позднего социализма» среднегодовое значение по совершению данного обряда было 611,2 случаев в год, то уже в период «перестройки» оно снижается до 434,3 случаев в год.

Можно сказать, что в первые три года «перестройки» в Бурятской АССР не происходит каких-либо существенных подвижек в изменении обрядовой деятельности Вознесенской церкви. Значимые изменения обозначались только к 1989 г. На наш взгляд, это связано с вышеупомянутыми изменениями государственно-конфессиональной политики после 1988 г., а также празднованием 1000-летия крещения Руси. Помимо этого, именно в этот период отменяется учет личных данных гражданина, который совершает какие-либо религиозные обряды. Это исключило возможность как-либо влиять на человека, опираясь на его вероисповедание [Молодов, 2015: 96]. С этого времени религиозность конкретного человека перестала восприниматься в массовом сознании как отрицательное качество. К этому можно добавить принятие нового Устава РПЦ, который отменял некоторые нормы Устава 1961 г., значительно повышая влияние церковных иерархов на жизнь религиозного объединений. Фактически в руках настоятелей сосредотачивалась вся административная и финансово-хозяйственная деятельность религиозного объединения [Устав об управлении Русской православной церкви 1988. URL: <https://drevo-info.ru/articles/17772.html#t13>].

В конце 1980-х гг. происходит изменение риторики уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР по Буряткой АССР. До 1989 г. рост религиозности населения в Бурятской АССР связывали с какими-либо внешними факторами, не обращая внимания на объективные причины [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 170. Л. 2]. Однако после 1988 г. в качестве причин повышения обрядовой части Вознесенкой церкви названа действительная возможность граждан пользоваться свободой совести в СССР, гарантированная Конституцией, ознаменовавшая собой новый виток в отношениях государства и религиозных общин [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188. Л. 3].

Схожая ситуация наблюдается и в других регионах СССР, в том числе в национальных автономиях. Так, например, в Калмыцкой АССР действительная либерализация государственно-конфессиональных отношений, проявившаяся как в количественных, так и в качественных показателях, началась не с начала «перестройки», а с 1987 г. [Белосов, 2016: 317]. В Хакасской автономной области в 1988 г. православная община Абакана увеличилась на 100 человек, а Никольская церковь получила право на колокольный

звон [Дашковский, Гончарова, 2023: 685]. Схожие тенденции характерны для Архангельской и Вологодской областей [Молодов, 2015: 97], а также других регионов страны.

Традиционно для учета финансовой деятельности зарегистрированных религиозных организаций в Совет по делам религии при СМ СССР подавались статистические отчеты, учитывающие как финансовые траты, так и поступления.

Таблица 2

**Денежные поступления Вознесенской церкви г. Улан-Удэ
в период «перестройки» (в тыс. рублей)⁶**

Table 2

**Cash receipts of the Ascension Church in Ulan-Ude during the period
of “perestroika” (in thousands of rubles)⁷**

Отчетный год	1985	1986	1987	1988	1989
Всего поступило денежных средств	161,2	159,8	161,1	170,3	251,2
Поступило средств от исполнения обрядов	10,3	9,6	11,5	10,1	10,5
Поступило средств от добровольных пожертвований	6,3	8,8	8,4	6,9	6
Поступило средств от продажи предметов культа и религиозной литературы	137	141,4	141,3	153,3	233,2

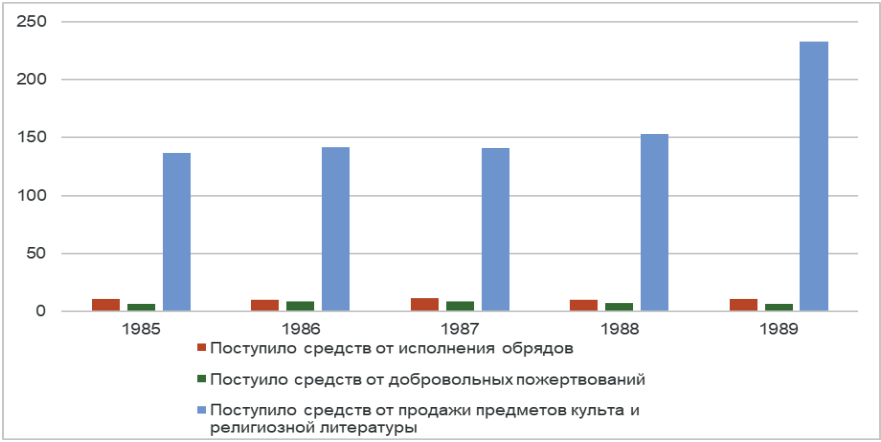

Рис. 1. Динамика финансовых поступлений Вознесенской церкви г. Улан-Удэ
в период «перестройки»⁸

Fig. 1. Dynamics of financial income of the Ascension Church in Ulan-Ude during the period
of “perestroika”⁹

⁶ Таблица сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162, 169, 179, 187; ГАРФ. Ф Р 6991. Оп. 6. Д. 3131, 3334

⁷ Table comp. by: NARB. Fund R-1857. Inventory 1. File 162, 169, 179, 187; GARF. Fund R 6991. Inventory 6. File 3131, 3334;

⁸ Рисунок сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162, 169, 179, 187; ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 3131, 3334.

⁹ Figure comp. by: garb. Fund R-1857. Inventory 1. File 162, 169, 179, 187; GARF Fund R 6991. Inventory 6. File 3131, 3334

Таким образом, видим схожую тенденцию, обозначенную нами выше. Резкий взлет общей доходности анализируемой религиозной организации происходит только в 1989 г. (на 80,9 тыс. руб. по сравнению с 1988 г.). Если поступления от совершенных обрядов и добровольных пожертвований на всем протяжении рассматриваемого периода не подверглись существенным изменениям, то средства, полученные от продажи предметов культа и религиозной литературы, демонстрируют поступательный рост от года к году (рис. 1). Отметим, что в других регионах СССР наблюдались схожие тенденции [Дашковский, Дворянчикова, 2024: 133].

В целом, данный пункт доходов становится основополагающим для церкви Вознесения ещё в период «развитого социализма». Однако во второй половине 1980-х гг. его процентная доля от общего числа увеличилась с 75 до 89% (рис. 2).

Рост покупок предметов культа и религиозной литературы можно объяснить рядом причин. Во-первых, в течение всего существования Советского Союза издание религиозной литературы строго контролировалось советскими и партийными органами и выпускалось относительно небольшим тиражом. Однако во времена либерализации второй половины 1980-х гг. значительно расширились возможности издания религиозной литературы, что привело к увеличению спроса на неё [Лебедева, 2011: 83]. В 1988 г. Московская патриархия устранила острый дефицит в Библии, выпустив 100-тысячный тираж Священного Писания, свободно распространявшийся по стране [Савин, 2020: 44–45].

Во-вторых, менялось отношение к религии внутри советского общества, постепенно трансформируясь из агрессивного в умеренное [Кашеваров, 2015: 110]. Частное пользование религиозной литературой или предметами культа в позднесоветском обществе перестало осуждаться и запрещаться [Пронина, 2016: 130]. К тому же рост интереса к религиозной литературе и предметам культа в период «позднего социализма» и «перестройки» в некоторых субъектах СССР объясняется малым количеством зарегистрированных религиозных объединений и сложностью логистики. По этой причине людям приходилось покупать религиозные предметы и литературу, чтобы реализовывать свои религиозные потребности вдали от легально действующей православной церкви.

Тенденции увеличения доходности религиозных объединений в период «перестройки» наблюдаются и в других регионах СССР [Белоусов, 2016: 280; Бакаева, 2018: 78–79]. Несмотря на начавшийся экономический кризис, связанный как с внутрисполитическими, так и с внешнеполитическими причинами [Абрамова, Дмитриев, 2013; Кара-Мурза, 2008: 800], верующие продолжали стабильно жертвовать большое количество денег на религиозные нужды. Идеологический вакуум, сформировавшийся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. по причине кризиса коммунистической идеологии, создал условия для принятия новых мировоззренческих ориентиров, одним из которых стала религия.

Характеризуя финансовые поступления церкви Вознесения в период «перестройки», обратимся к данным таблицы 3.

Таблица 3

Расходы Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в период «перестройки» (в тыс. руб.)¹⁰

Table 3

**Expenses of the Ascension Church in Ulan-Ude during the period of “perestroika”
(in thousands of rubles)¹¹**

Отчетные годы	1985	1986	1987	1988	1989
Общий расход средств	161,3	159,9	158,7	171,3	237,9
На содержание служителей культа	14,6	16,5	14,2	15,1	22,5
На содержание исполнительных органов и ревкомиссий	0	0	0	0	0
На содержание хоров	8,5	12,6	11,6	10	8
На содержание обслуживающего персонала	19	22,5	19,6	21	32
На ремонт и содержание молитвенных зданий	66,3	41,6	45,8	41	6,6
На приобретение предметов культа и религиозной литературы	16,4	27,2	29,1	27,8	30,8
Религиозным центрам	16	20	23	24	30
В Фонд мира	5	5	6	5	6
В Фонд охраны памятников истории и архитектуры	1	0	2	1	2
Прочие расходы	14,5	12,5	7,4	72,2	111,3

Необходимо отметить, что расходы Вознесенской церкви увеличивались, составив в 1989 г. 237 тыс. руб. Самыми большими статьями расходов в процентном соотношении были «Прочие расходы» (24,5%) — траты на ремонт и содержание молитвенных зданий (22,6%), а также на приобретение предметов религиозного культа и литературы (14,7%).

Рис. 2. Доля расходов Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в период «перестройки»¹²

Fig. 2. The share of expenses of the Ascension Church in Ulan-Ude during the period of “perestroika”¹³

¹⁰ Таблица сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162, 169, 187, 188; ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 3131

¹¹ Table comp. by: GARB. Fund R-1857. Inventory 1. File 162, 169, 187, 188; GARF. Fund R 6991. Inventory 6. File 31

¹² Таблица сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162, 169, 187, 188; ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 3131.

¹³ Table comp. by: GARB. Fund R-1857. Inventory 1. File 162, 169, 187, 188; GARF. Fund R 6991. Inventory 6. File 31.

Отметим, что в графу «Прочие расходы» религиозных организаций могли входить разные статьи расходов, которые не включались в имеющийся статистический перечень. По причине отсутствия информации об этом в архивных материалах нам сложно судить, на что конкретно тратились данные деньги, составляющие, как мы видим, весомую долю от всех расходов.

Примечательным представляется тот факт, что несмотря на вышесказанное увеличение спроса населения на покупку предметов религиозных культов и литературы, схожей динамики их закупки не наблюдается. На наш взгляд, это можно объяснить занижением статистики или неточностью подсчетов. Такая ситуация несоразмерности доходов и расходов, касающиеся предметов религиозного культа и религиозной литературы, характерна и для финансовой деятельности Вознесенской церкви в период «позднего социализма».

Нужно сказать о том, что церковь Вознесения в период «перестройки» продолжала заниматься широкой благотворительной деятельностью, несмотря на то, что в это время она переходит из разряда обязательных в разряд добровольных [Молодов, 2015: 97]. Однако многие религиозные организации по всему СССР продолжали активно осуществлять пожертвования в различные благотворительные фонды [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 71, 72; Ибрагимов, 2005: 136].

Несмотря на небольшую долю от всех трат Вознесенской церкви (около 16%), данные жесты, с одной стороны, показывали равнодушную позицию религиозных общин, а с другой — являлись выражением лояльности существующему политическому курсу [Белоусов, 2017: 317]. Так, например, в 1988 г. Вознесенская церковь внесла 8 тыс. рублей в Фонд помощи Армении, для предотвращения последствий Спитакского землетрясения [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188. Л. 14].

Обобщая рассмотрение расходов Вознесенской церкви периода «перестройки», можно сделать вывод о том, что несмотря на значительное увеличение общей суммы расходов в 1989 г., отдельные статьи трат на протяжении всей второй половины 1980-х гг. оставались практически неизменными.

Помимо зарегистрированной православной Вознесенской церкви г. Улан-Удэ на протяжении всего периода 1960-х — второй половины 1980-х гг. в приграничном с Монголией г. Кяхта действовала незарегистрированная община православных верующих. Она была официально зарегистрирована в 1946 г., однако ее легальный статус был ликвидирован во время правления Н. С. Хрущева. Этому способствовало множество факторов: нарушение финансово-хозяйственной деятельности церкви, неоднократные жалобы местных жителей, низкая доходность самой организации, слабая посещаемость со стороны верующих [Цыремпилова, 2017: 39–41].

С 1970 г. здание Успенской церкви было передано на баланс Министерства культуры Бурятской АССР, а с 1973 г. на базе храма была размещена картинная галерея Кяхтинского краеведческого музея им. Обручаева [Цыремпилова, 2017: 42]. Однако, несмотря на то, что регистрация у православной общины Кяхты была ликвидирована, инициативная группа верующих вплоть до распада СССР продолжала добиваться возврата легального статуса посредством написания писем и прошений в различные органы власти местного и государственного значения.

В 1966 г. верующие Кяхты получили отказ властей на открытие Успенской церкви, который аргументировался фальсификациями подписей, чтобы искусственно увеличить количество подписантов [Цыремпиллова, 2014: 383–390].

В 1970–1980-х гг. обращения верующих также рассматривались, однако теперь прошения касались разрешения покупки дома под религиозные нужды. На это верующие также получали отказ. Причиной такому решению стало то, что жители Кяхты испытывали острую нужду в жилье, а в доме, которые просили верующие, жила семья из 6 человек [ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 1575. Л. 27–34]. Такое средство, как написание писем и жалоб в государственные инстанции по вопросам ущемления прав верующих, было, в целом, характерно для периода развитого социализма и в других регионах. Например, верующим Альметьевска Татарской АССР для получения статуса легально действующей религиозной организации потребовалось подготовить за 7 лет более 20 ходатайств, чтобы по итогу получить регистрацию [Ибрагимов, 2005: 126].

Либерализация отношений православной общины Кяхты и властей произошла лишь в рассматриваемый нами период «перестройки». В 1985 г. они получили разрешение на покупку молитвенного помещения. Несмотря на это, верующие продолжали писать письма, адресуемые представителям высшей советской номенклатуры с различными просьбами и недовольствами.

Здесь необходимо сказать о том, что в период «перестройки» движение верующих по отстаиванию своих прав принимает более организованные формы по всей территории Советского Союза, в том числе и автономиях. Несмотря на это, реальные меры для нормализации отношений государства и религиозных организаций начали предприниматься лишь в 1987–1988 гг. Например, в Марийской АССР во второй половине 1980-х гг. поступали многочисленные просьбы о регистрации православных общин, однако первые шаги по их выполнению были сделаны лишь в 1988 г. [Ефремов, 2021: 95–96].

Так, в 1987 г. было написано письмо на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко. В нем верующие положительно отзывались о внешнеполитическом курсе М.С. Горбачева и о демократических преобразованиях в частности. Однако данное обращение содержало и недовольства. Православных не устраивало то, что купленный молитвенный «домик» был слишком мал для совершения богослужений¹⁴. По этой причине верующие просили передать им здание Успенской церкви. Данную просьбу они аргументировали двумя памяtnыми датами, связанными с историей православия¹⁵. Данное письмо было подкреплено 39 подписями [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 177. Л. 3–3 об.].

В следующем 1988 г. верующие получили отрицательный ответ от Президиума Верховного Совета СССР через уполномоченного по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР М.М. Мулонова. Отказ он аргументировал тем, что здание церкви использовалось в качестве музейных и выставочных центров. Кроме того, М.М. Мулонов уведомил верующих, что в будущем в этом помещении планируется открыть му-

¹⁴ Площадь данного молитвенного дома, указанный в письме, составляла 42 м² при высоте 2,6 м [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 177. Л. 3–3 об.].

¹⁵ В 1988 г. отмечалось 1000-летие крещения Руси и 100-летие начала богослужений в Успенской церкви г. Кяхта.

зей трудовой и воинской славы тружеников г. Кяхты и Кяхтинского района. Данное событие, по словам уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР, «должно иметь значение в эстетическом, трудовом и революционном воспитании подрастающего поколения» (цит. по: [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 177. Л. 27]).

Таким образом, видно, что формулировки и действия вышестоящих органов оставались на уровне предшествующих периодов, никак не перенимая опыт либерализации религиозной сферы. Зачастую именно консервативная позиция местного руководства мешала проведению политики либерализации религиозной сферы. Подтверждение этому мы находим и в других регионах СССР [Молодов, 2015: 96; Ибрагимов, 2005: 136].

На наш взгляд, апогея данная ситуация достигла в 1989 г. В январе этого года верующие Кяхты вновь написали письмо, адресатом которого выступал М. С. Горбачев. Основной нарратив был построен на обвинении местных властей и Совета по делам религий при СМ СССР в бюрократизме и лживости. К тому же население было огорчено тем, что процесс передачи церквей и регистрация общин, которые были спровоцированы празднованием 1000-летия крещения Руси, не коснулись их ситуации [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 177. Л. 36–36 об.].

Уже в следующем месяце верующие предприняли отчаянный жест давления на местную администрацию. В письме, адресованном Председателю Кяхтинского горсовета Г. Н. Мостовщиковой, указывалось, что из-за постоянных отказов по возвращению им Успенской церкви они вынуждены будут отправить своего представителя в Москву для отправки телеграммы на имя Президента США Дж. Буша Старшего, надеясь на его содействие в вопросах свободы совести [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 177. Л. 32–33 об.]. Несмотря на серьезные намерения верующих, в архивных документах упоминаний о действительной отправке данного письма нет. Скорее всего, данный жест был сделан для некоего запугивания властей, чтобы они действительно обратили внимание на их многочисленные обращения. Президент США представлялся кяхтинским верующим защитником свободы совести по всему миру, а США — страной свободы и демократии. Разрешение сложившейся ситуации было предпринято в конце 1989 г. Именно тогда распоряжением Совета Министров Бурятской АССР православным верующим Кяхты был возвращен Успенский храм, но лишь на правах аренды [Цыремпилова, 2014: 389].

Заключение

В целом, государственно-конфессиональные отношения между православными общинами Бурятской АССР и властью находилась в русле всей вероисповедной политики СССР, однако имели некоторые незначительные особенности.

Схожими компонентами является то, что в Бурятской АССР процессы действительной демократизации религиозной сферы прослеживаются лишь к концу «перестройки». Период 1985–1988 гг. характеризуется стабильностью в отношениях власти и православных общин Бурятской АССР, мало чем отличаясь от предшествующего этапа «развитого социализма» (1964–1985 гг.). Это могло происходить в следствие ряда причин.

Во-первых, общий курс в сторону изменения советской государственно-конфессиональной политики наблюдается только в 1987–1988 гг. До этого времени советское

правительство не предпринимало решительных действий, связанных с реформированием государственно-конфессиональных отношений.

Во-вторых, на запоздалые изменения в Бурятской АССР накладывала определенный отпечаток консервативная позиция местных властей и, в частности, уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР, линия и риторика которых по-прежнему строились на принципах атеизма. Такая позиция была характерна для многих других субъектов СССР, где органы власти на местах искусственно тормозили регистрацию религиозных объединений.

Православная община Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в это время осуществляла свою деятельность достаточно стабильно. Вместе с этим отношения православных жителей Кяхты и властей претерпевают некоторые изменения (разрешение покупки молитвенного дома в 1985 г.), которые не приводят к полному удовлетворению религиозных потребностей последних.

В качестве отличительных особенностей реализации религиозной политики в Бурятской АССР по отношению к православным общинам можно выделить их относительно малую активность. На наш взгляд, это происходило потому, что основная часть православных верующих проживала в Улан-Удэ и кооперировалась вокруг легально действующей Вознесенской церкви. В большинстве аймаков Бурятской АССР население исповедовало буддизм или шаманизм, что отменяло необходимость в регистрации новых православных религиозных объединений. Исключением здесь стал случай Кяхты, где православные верующие проявили активную позицию по отстаиванию своих интересов в области свободы совести.

Существенные изменения в сфере государственно-конфессиональных отношений происходят лишь к 1989 г. Именно в этот период замечен значительный рост финансовой и обрядовой деятельности Вознесенской церкви г. Улан-Удэ. К тому же, в 1989 году православной общине г. Кяхты разрешают арендовать здание Успенской церкви для совершения богослужений. Меняется и само отношение к религии в Бурятии, а также роль священников в общественном восприятии. Все больше людей, интуитивно чувствуя кризис советской идеологии, начинают обращаться к религиозным ценностям, стараясь найти в них ответы на мировоззренческие вопросы. Трансформируется и роль священников. С этого периода они становятся активными участниками социальной и политической жизни. Таким образом, именно в последние годы «перестройки» был заложен фундамент «религиозному ренессансу» в Бурятии, который в полной мере наступил уже в 1990-х гг.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23–18–00117).

Acknowledgments and funding

The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant “The impact of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-

confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia” (project No. 23–18–00117).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аболина Л. А., Федоров Р. Ю. Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 159–167.

Абрамова Ю. А., Дмитриев А. Е. Экономические преобразования периода перестройки: 1985–1991 гг. // Известия МГТУ. 2013. № 1 (15). С. 43–37.

Бадмацзыренов Т. Б. Социальная структура буддийских сообществ современной Бурятии : дис. ... д-ра соц. наук. Улан-Удэ, 2018. 385 с.

Байкалов Н. С., Убеева О. А. Городское население северных районов Бурятии в период позднего социализма // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 130–135.

Бакаева Э. П. Между Центральным духовным управлением буддистов и Объединением буддистов Калмыкии: буддизм в Калмыкии в 1988–1991 гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 1 (25). С. 6–14.

Бакаева Э. П. Первая конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области: предыстория и решения (1988–1991 годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 71–84.

Батомункуева С. Р. К вопросу об основаниях распространения и становления буддизма в Бурятии // Вестник БГУ. 2022. № 4. С. 48–56.

Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 гг.). Элиста : КалМНЦ РАН, 2016. 342 с.

Васильева С. В. Государственная и церковная политика в отношении старообрядчества Байкальского региона (XVII–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 53 с.

Васильева С. В. Изменение государственной политики в отношении древлеправославной церкви в условиях Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 7–13.

Васильева С. В. Старообрядчество Бурятии в условиях формирования государственной вероисповедной политики советского общества // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы VI Международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 7–8 августа 2015 г. Улан-Удэ, 2015. С. 63–68.

Васильева С. В. Старообрядчество на окраинах России: вынужденная подвижность или миграционное перемещение // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. № 2. С. 11–17.

Вдовин А. И. СССР. История великой державы. М. : Проспект, 2018. 821 с.

Величко С. А. Причины начала Перестройки в СССР (30-летию появления термина «перестройка» посвящается) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 4–9.

Вероисповедная политика Российского государства. М. : РАГС, 2003. 205 с.

Верт Н. История Советского государства. 1900–1991: пер. с фр. М. : Проспект, 1992. 480 с.

Вестов Ф.А. Политико-правовые представления о правовом государстве в советский период // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 63–67.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. 408 с.

Государственный Архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 79.

ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 85.

ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 162.

ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 169.

ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 170.

ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 177.

ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188.

ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 1575.

ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 3131.

ГАРФ. Ф. Р 6991. Оп. 6. Д. 3334.

Дашковский П. К., Гончарова Н. С. Положение религиозных общин в национальных автономиях СССР в 1985–1991 гг.: на примере Хакассской автономной области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 680–695.

Дашковский П. К., Дворянчикова, Н. С. Государственно-конфессиональная политика СССР в эпоху «перестройки» и ее влияние на деятельность религиозных общин Омской области // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 126–144.

Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 4. С. 211–233.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 152 с.

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Государственное регулирование религиозных процессов в национальных автономиях СССР в период «перестройки» (на примере Бурятской АССР) // Народы и религии Евразии. 2024а. Т. 29. № 2. С. 140–160.

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Некоторые аспекты изучения реализации государственно-конфессиональной политики в Бурятии во второй половине 1980-х гг. // Этнические меньшинства в истории России : материалы V Международной научной конференции, 25–26 октября 2024 г. СПб. : АГУ им. А. С. Пушкина, 2024б. С. 31–36.

Ефремов Е. Н. Государственная политика и возрождение Русской православной церкви в Марий Эл в период «перестройки» (1985–1991 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 91–101.

Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005. 182 с.

- История Бурятии: в 3 т. Т. III, XX, XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 486 с.
- Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм : Эксмо, 2008. 1200 с.
- Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в период перестройки 1985–1991 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 109–115.
- Клименко Е. Н. Взаимоотношение государства и религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 220 с.
- Лебедева О. В. Религиозная литература в СССР в период «перестройки»: от дефицита к массовым публикациям // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Табмов, 2011. № 4 (10). Ч. III. С. 83–85.
- Лукьянов А. О. Трансформация дискуссии об изменении антирелигиозной пропаганды в периодических изданиях (1985–1988 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20. № 3. С. 109–113 <https://doi.org/10.14529/ssh200316>.
- Маслова И. И. Исторические уроки государственно-конфессиональной политики в России: анализ деятельности Совета по делам религий (1965–1985 гг.) // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 513–518.
- Маслова И. И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская православная церковь (1965–1991 гг.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 52–65.
- Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской православной церкви (1953–1991 гг.) : автореф. дис ... д-ра ист. наук. М., 2005. 48 с.
- Материалы пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М.: Политиздат, 1987. 100 с.
- Митыпов В. М. Буддийская церковь в условиях трансформации российского общества (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) // Власть. 2015. Т. 24. № 5. С. 55–58.
- Митыпов В. М. Совет по делам религий — проводник государственно-конфессиональной политики СССР // Власть. 2013. № 9. С. 117–120.
- Митыпова Г. С. История становления и развития православной традиции в Бурятии (XVII–XXI вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 387 с.
- Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре бурят. Улан-Удэ, 2005. 231 с.
- Молодов О. Б. Государственно-конфессиональные отношения в СССР на переломном этапе (на материалах областей Европейского Севера) // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 95–99.
- Молодов О. Б. Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 121–137.
- Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. М.: Российское объединение исследователей религии, 2010. 444 с.
- Полозова К. А., Федотов А. А. Роль интеллигенции в подготовке и принятии Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.) и итоги его действия // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 17–27.

Пронина Т.С. Историко-сравнительный анализ религиозности позднего советского периода в контексте возрождения религии в постсоветской России: на примере Тамбовской и Свердловской областей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2016. Т. 16. Вып. 11 (163). С. 123–134.

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность — начало XX в.: коллективная монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 214 с.

Савин А.И. Библия в Советском Союзе: к истории ввоза из-за границы, издания и распространения // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 33–50.

Санжиева Т.Е. Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 2 (7). С. 209–215.

Статистический ежегодник. 2024. Статистический сборник. Улан-Удэ, 2024. 379 с.

Тулянов В.А. Русская православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 113–125.

Устав об управлении Русской православной церкви 1988. URL: <https://drevo-info.ru/articles/17772.html#t13>.

Харчев К. Утверждая свободу совести // Известия. 1988. 29 янв. С. 3.

Цыремпилова И.С. История Успенской церкви г. Кяхта во второй половине XX в. (по материалам Государственного архива Республики Бурятия) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск, 2014. С. 383–390.

Цыремпилова И.С. Русская православная церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры, 2017. № 2 (2). С. 37–43.

Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 880 с.

Шкаровский М.В. Сталинская религиозная политика и Русская православная церковь в 1943–1953 гг. // Acta slavica iaponica. 2009. Т. 27. С. 1–27.

REFERENCES

Abolina L.A., Fedorov R.Yu. Osobennosti traditsionnoi kul'tury semeiskikh Zabaikal'ya [Features of the traditional culture of the Semeysky Transbaikalia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2015, no. 2 (29). P. 159–167 (in Russian).

Abramova Yu.A., Dmitriev A.E. Ekonomicheskie preobrazovaniya perioda perestroiki: 1985–1991 gg. [Economic transformations of the period of perestroika: 1985–1991]. *Izvestiya MGTU* [Izvestiya MGTU]. 2013, no. 1 (15). P. 43–37 (in Russian).

Badmatsyrenov T.B. *Sotsial'naya struktura buddiiskikh soobshchestv sovremennoi Buriatii. Diss. ... d-ra. sots. Nauk* [The social structure of Buddhist communities in modern Buryatia: Diss. ... Doctor of Social Sciences]. Ulan-Ude. 2018, 385 p. (in Russian).

Baikalov N.S., Ubeeva O.A. Gorodskoe naselenie severnykh raionov Buriatii v period pozdnego sotsializma [The urban population of the northern regions of Buryatia in the

period of late socialism]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2018, no. 12 (56). P. 130–135 (in Russian).

Bakaeva E. P. Mezhdru Tsentral'nym dukhovnym upravleniem buddistov i Ob'edineniem buddistov Kalmykii: Buddizm v Kalmykii v 1988–1991 gg. [Between the Central Spiritual Administration of Buddhists and the Association of Buddhists of Kalmykia: Buddhism in Kalmykia in 1988–1991]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University]. 2015, no. 1 (25). P. 6–14 (in Russian).

Bakaeva E. P. Pervaia konferentsiya buddistov Kalmykii i Astrakhanskoi oblasti: predystoriya i resheniya (1988–1991 gody) [The first conference of Buddhists of Kalmykia and Astrakhan region: background and decisions (1988–1991)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin]. 2018, no. 1 (55). P. 71–84 (in Russian).

Batomunkueva S. R. K voprosu ob osnovaniyakh rasprostraneniya i stanovleniya buddizma v Buriatii [On the question of the foundations of the spread and formation of Buddhism in Buryatia]. *Vestnik BGU* [Vestnik BGU]. 2022, no. 4. P. 48–56 (in Russian).

Belousov S. S. *Gosudarstvennaya religioznaya politika v Kalmykii v otnoshenii khristianskogo naseleniya v gody sovetskoi vlasti (oktiabr' 1917–1991 gg.)* [State religious policy in Kalmykia in relation to the Christian population during the years of Soviet power (October 1917–1991)]. Elista: KalmNTs RAN, 2016, 342 p. (in Russian).

Vasil'eva S. V. *Gosudarstvennaya i tserkovnaya politika v otnoshenii staroobriadchestva Baikal'skogo regiona (XVII–XXI vv.). Avtoref. dis. d-ra ist. Nauk* [State and church policy in relation to the Old Believers of the Baikal region (XVII–XXI centuries). Thesis of the dissertation of Doctor of Historical Sciences]. Ulan-Ude, 2011. 53 p. (in Russian).

Vasil'eva S. V. *Izmenenie gosudarstvennoi politiki v otnoshenii drevlepravoslavnoi tserkvi v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voyny* [Changes in state policy towards the Ancient Orthodox Church in the conditions of the Great Patriotic War]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015, no. 7. P. 7–13 (in Russian).

Vasil'eva S. V. *Staroobriadchestvo Buriatii v usloviyakh formirovaniya gosudarstvennoi veroispovednoi politiki sovetskogo obshchestva* [The Old Believers of Buryatia in the context of the formation of the state religious policy of the Soviet society]. *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ulan-Ude, 07–08 avgusta 2015 goda* [Old Believers: History and Modernity, local traditions, Russian and foreign relations: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Ulan-Ude, August 07–08, 2015]. Ulan-Ude, 2015. P. 63–68 (in Russian).

Vasil'eva S. V. *Staroobriadchestvo na okrainakh Rossii: vynuzhdennaya podvizhnost' ili migratsionnoe peremeshchenie* [Old Believers on the outskirts of Russia: forced mobility or migration movement]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii* [Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian studies of Inner Asia]. 2014, no. 2. P. 11–17 (in Russian).

Vdovin A. I. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy* [USSR. The history of a great power]. Moscow: Prospekt, 2018, 821 p. (in Russian).

Velichko S. A. Prichiny nachala Perestroiki v SSSR (30-i letiyu poiavleniya termina “perestroika” posvyashchaetsia [The reasons for the beginning of Perestroika in the USSR (dedicated to the 30th anniversary of the appearance of the term “perestroika”)]. *Vestnik Omskoi iuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Omsk Law Academy]. 2016, no. 2 (31). P. 4–9 (in Russian).

Veroisповедnaya politika Rossiiskogo gosudarstva [Religious policy of the Russian state]. Moscow: RAGS, 2003, 205 p. (in Russian).

Vert N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991: per. s fr.* [The History of the Soviet State. 1900–1991: translated from French] Moscow: Prospekt, 1992, 480 p. (in Russian).

Vestov F. A. Politiko-pravovye predstavleniya o pravovom gosudarstve v sovetskii period [Political and legal concepts of the rule of law in the Soviet period]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Proceedings of the Saratov University. Ser. Economy. Management. Right]. 2009, vol. 9, iss. 1. P. 63–67 (in Russian).

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940–1960-e gody* [The State and religious organizations of Siberia in the 1940s and 1960s]. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2008, 408 p. (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Buriatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund R-1857. Inventory 1. File 79 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Buriatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund R-1857. Inventory 1. File 85 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Buriatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund R-1857. Inventory 1. File 162 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Buriatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund R-1857. Inventory 1. File 169 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Buriatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund R-1857. Inventory 1. File 170 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Buriatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund R-1857. Inventory 1. File 177 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Buriatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund R-1857. Inventory 1. File 188 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R 6991. Inventory 6. File 1575 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R 6991. Inventory 6. File 3131 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R 6991. Inventory 6. File 3334 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Bicheldei U. P., Mongush A. V. Polozhenie buddiiskikh obshchin v Tuve v sisteme gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii SSSR v seredine 1950-kh gg. [The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no 4. P. 211–233 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Goncharova N. S. Polozhenie religioznykh obshchin v natsional'nykh avtonomiyakh SSSR v 1985–1991 gg.: na primere Khakasskoi avtonomnoi oblasti

[The situation of religious communities in the national autonomies of the USSR in 1985–1991: on the example of the Khakass Autonomous Region]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia]. 2023, vol. 22, no. 4. P. 680–695 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvorianchikova, N. S. Gosudarstvenno-konfessional'naya politika SSSR v epokhu “perestroiki” i ee vliianie na deyatel'nost' religioznykh obshchin Omskoi oblasti [The state and confessional policy of the USSR in the era of “perestroika” and its impact on the activities of religious communities of the Omsk region]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no. 1, P. 126–144 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvorianchikova N. S. *Sovetskaya i rossiiskaya gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoi Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional policy in the South of Western Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2022, 152 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Traudt E. A. Gosudarstvennoe regulirovanie religioznykh protsessov v natsional'nykh avtonomiyakh SSSR v period “perestroiki” (na primere Buryatskoi ASSR) [State regulation of religious processes in the national autonomies of the USSR during the period of “perestroika” (on the example of the Buryat ASSR)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024a, vol. 29, no. 2. P. 140–160 (in Russian).

Dashkovskii P. K., Traudt E. A. Nekotorye aspekty izucheniya realizatsii gosudarstvenno-konfessional'noi politiki v Buryatii vo vtoroi polovine 1980-kh gg. [Some aspects of studying the implementation of state-confessional policy in Buryatia in the second half of the 1980s]. *Etnicheskie men'shinstva v istorii Rossii: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 25–26 oktiabrya 2024 g.* [Ethnic minorities in the history of Russia: Proceedings of the V International Scientific Conference, October 25–26, 2024] Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2024b. P. 31–36 (in Russian).

Efremov E. N. Gosudarstvennaya politika i vozrozhdenie russkoi pravoslavnoi tserkvi v Mari El v period “perestroiki” (1985–1991 gg.) [State policy and the revival of the Russian Orthodox Church in Mari El during the period of “perestroika” (1985–1991)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. 2021, no. 3 (59). P. 91–101 (in Russian).

Ibragimov R. R. *Vlast' i religiya v Tatarstane v 1940–1980-e gg.* [Power and religion in Tatarstan in the 1940s and 1980s.] Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'ianova-Lenina, 2005, 182 p. (in Russian).

Istorii Buriatii: v 3 t. III–XX — XXI vv. [The history of Buryatia: In 3 volumes, III–XX — XXI centuries.]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2011. 486 p. (in Russian).

Kara-Murza S. G. *Sovetskaya tsivilizatsiya* [The Soviet civilization]. Moscow: Algoritm, Eksmo, 2008, 1200 p. (in Russian).

Kashevarov A. N. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v period perestroiki 1985–1991 godov [State-church relations in the period of perestroika 1985–1991]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Pedagogical University. Humanities and social sciences]. 2015, no. 1 (215). P. 109–115 (in Russian).

Klimenko E. N. *Vzaimootnoshenie gosudarstva i religioznykh ob'edinenii v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovye aspekty. Dis. ... kand. iurid. nauk.* [The relationship between the state and religious associations in the Russian Federation: constitutional and legal aspects. Dis. ... kand. yurid. nauk] Moscow, 2007, 220 p. (in Russian).

Lebedeva O. V. *Religioznaya literatura v SSSR v period "perestroiki": ot defitsita k massovym publikatsiyam* [Religious literature in the USSR during the period of "perestroika": from scarcity to mass publications]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Historical, philosophical, political, legal sciences, cultural studies and art criticism]. Tabmov, 2011, no. 4 (10), pt. III. P. 83–85 (in Russian).

Luk'ianov A. O. *Transformatsiya diskussii ob izmenenii antireligioznoi propagandy v periodicheskikh izdaniyakh (1985–1988 gg.)* [Transformation of the discussion on changing anti-religious propaganda in periodicals (1985–1988)]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences]. 2020, vol. 20, no. 3. P. 109–113. <https://doi.org/10.14529/ssh200316>.

Maslova I. I. *Istoricheskie uroki gosudarstvenno-konfessional'noi politiki v Rossii: analiz deiatel'nosti Soveta po delam religii (1965–1985 gg.)* [Historical lessons of state-confessional policy in Russia: analysis of the activities of the Council for Religious Affairs (1965–1985)]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* [Izvestiya PGPU named after V. G. Belinsky]. 2011, no. 23. P. 513–518 (in Russian).

Maslova I. I. *Sovet po delam religii pri Sovete Ministrov SSSR i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' (1965–1991 gg.)* [Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR and the Russian Orthodox Church (1965–1991)]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 2005, no. 6. P. 52–65 (in Russian).

Maslova I. I. *Evolutsiya veroisповедnoi politiki sovetskogo gosudarstva i deiatel'nosti Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1953–1991 gg.)*. *Avtoref. dis ... d-ra ist. nauk* [Evolution of the religious policy of the Soviet state and the activities of the Russian Orthodox Church (1953–1991). Thesis Dissertation of Doctor of Historical Sciences]. Moscow, 2005, 48 p. (in Russian).

Materialy plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS 27–28 yanvaria 1987 goda [Materials of the plenum of the Central Committee of the CPSU on January 27–28, 1987]. Moscow: Politizdat, 1987, 100 p. (in Russian).

Mitypov V. M. *Buddiiskaya tserkov' v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva (konets 1980-kh — nachalo 1990-kh gg.)*. *Vlast'* [Power]. 2015, vol. 24, no. 5. P. 55–58 (in Russian).

Mitypov V. M. *Sovet po delam religii — provodnik gosudarstvenno-konfessional'noi politiki SSSR* [The Buddhist Church in the context of the transformation of Russian society (late 1980s — early 1990s)]. *Vlast'* [Power]. 2013, no. 9. P. 117–120 (in Russian).

Mitypova G. S. *Istoriia stanovleniia i razvitiia pravoslavnoi traditsii v Buriatii (XVII–XXI vv.): dis. ... d-ra ist. nauk* [The history of the formation and development of the Orthodox tradition in Buryatia (XVII–XXI centuries): Dissertation ... Doctor of Historical Sciences]. Ulan-Ude, 2006, 387 p. (in Russian).

Mitypova G. S. *Pravoslavie v istorii i kul'ture buryat* [Orthodoxy in the history and culture of the Buryats]. Ulan-Ude, 2005, 231 p. (in Russian).

Molodov O. B. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v SSSR na perelomnom etape (na materialakh oblastei Evropeiskogo Severa) [State-confessional relations in the USSR at a critical stage (based on the materials of the regions of the European North)]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. 2015, no. 2 (52). P. 95–99 (in Russian).

Molodov O. B. Pravoslavnyi prikhod: ponyatie i sistema upravleniya v 1945–2000 gg. (na materialakh Evropeiskogo Severa) [Orthodox parish: concept and management system in 1945–2000. (based on the materials of the European North)]. *Noveishaya istoriia Rossii* [The modern history of Russia]. 2016, no. 3. P. 121–137 (in Russian).

Odintsov M. I. Veroispovednye reformy v Sovetskom Soyuze i v Rossii. 1985–1997 gg. [Religious reforms in the Soviet Union and in Russia. 1985–1997] Moscow: Rossiiskoe ob'edinenie issledovatelei religii, 2010, 444 p. (in Russian).

Polozova K. A., Fedotov A. A. Rol' intelligentsii v podgotovke i priniatii zakona RSFSR “O svobode veroispovedanii” (1990 g.) i itogi ego deistviya [The role of the intelligentsia in the preparation and adoption of the Law of the RSFSR “On Freedom of Religion” (1990) and the results of its action]. *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the World]. 2013, no. 1. P. 17–27 (in Russian).

Pronina T. S. Istoriko-sravnitel'nyi analiz religioznosti pozdnego sovetskogo perioda v kontekste vozrozhdeniya religii v postsovetsoi Rossii: na primere Tambovskoi i Sverdlovskoi oblastei [Historical and comparative analysis of the religiosity of the late Soviet period in the context of the revival of religion in post-Soviet Russia: on the example of the Tambov and Sverdlovsk regions]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Humanities Series], 2016, vol. 16, iss. 11 (163). P. 123–134 (in Russian).

Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii. T. 1: Pozdniaya drevnost' — nachalo KhKh v.: kollektivnaya monografiya [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia. Vol. 1: Late Antiquity — early twentieth century: a collective monograph]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014, 214 p. (in Russian).

Sanzhieva T. E. Osobennosti rasprostraneniya pravoslaviya sredi buryat v XIX v. [Peculiarities of the spread of Orthodoxy among the Buryats in the 19th century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Politologiya. Religiovedenie”* [Izvestiya Irkutsk State University. The series “Political Science. Religious studies”]. 2011, no. 2 (7). P. 209–215 (in Russian).

Savin A. I. Bibliya v Sovetskom Soyuze: k istorii vvoza iz-za granitsy, izdaniya i rasprostraneniya [The Bible in the Soviet Union: on the history of importation from abroad, publication and distribution]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier]. 2020, no. 2 (10). P. 33–50 (in Russian).

Statisticheskii ezhegodnik. 2024. Statisticheskii sbornik [Statistical Yearbook. 2024. Statistical collection]. Ulan-Ude, 2024, 379 p. (in Russian).

Tulianov V. A. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo v god Tysiacheletiya kreshcheniya Rusi: problemy vzaimootnoshenii [The Russian Orthodox Church and the Soviet State in the Year of the Millennium of the Baptism of Rus: problems of mutual relations]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no 1. P. 113–125 (in Russian).

Ustav ob upravlenii Russkoi pravoslavnoi tserkvi 1988 [The Charter on the Administration of the Russian Orthodox Church in 1988]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/17772.html#t13> (accessed February 13, 2025) (in Russian).

Kharchev K. Utverzhdaya svobodu sovesti [Asserting freedom of conscience]. *Izvestiya* [Izvestia]. 1988, 29 yanv. P. 3 (in Russian).

Tsyrempilova I. S. Istoriya Uspenskoii tserkvi g. Kyakhta vo vtoroi polovine XX v. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya) [The history of the Assumption Church in Kyakhta in the second half of the 20th century (based on the materials of the State Archive of the Republic of Buryatia)]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2014* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2014]. Irkutsk, 2014. P. 383–390 (in Russian).

Tsyrempilova I. S. Russkaia Pravoslavnaia tserkov' na territorii Buryatii v 1940–1980-e gg. [The Russian Orthodox Church in the territory of Buryatia in the 1940s and 1980s]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture]. 2017, no. 2 (2). P. 37–43 (in Russian).

Shakhov M. O. *Pravovye osnovy deiatel'nosti religioznykh ob'edinenii v Rossiiskoi Federatsii* [The legal foundations of the activities of religious associations in the Russian Federation]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2019, 880 p. (in Russian).

Shkarovskii M. V. Stalinskaya religioznaya politika i Russkaya pravoslavnaia tserkov' v 1943–1953 gg. [Stalin's religious policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953]. *Acta slavica iaponica* [Acta slavica iaponica]. 2009, vol. 27. P. 1–27 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 00.00.2025

Принята к публикации: 00.00.2025

Дата публикации: 31.03.2025